

Люди планеты знают, что есть такое стойбище...

В Эстонии прошла Международная конференция, посвященная памяти ненецкого поэта-оленевода Юрия Вэллы

Ольга МАСЛОВА, Москва

Приехавшие в Тарту друзья поэта (литературные критики, переводчики, издатели, этнографы из Франции, Эстонии, Германии, Финляндии, Венгрии и России) говорили о литературном наследии и подвижническом таланте единственного, наверное, в мире поэта-оленевода с дипломом Литинститута, жившего на стойбище в далеком Варьегане. Одним только словом и гражданской позицией Юрий Вэлла менял жизненное пространство стойбищных людей. Судился с «ЛУКОЙЛом», защищал права сородичей, издавал книги на языках мира, дарил оленей президентам. Он не отгораживался от современного мира, лишь расширял границы аборигенной культуры, создавая музей прямо на стойбище.

Как сохранить о поэте живую память? Не дать замолчать однажды сказанному слову? Об этом мы беседуем с участницей конференции, доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН Натальей НОВИКОВОЙ.

– Наталья Ивановна, бывает, что масштаб личности становится очевиден всем только после смерти. О Юрии Вэлле этого не скажешь. Его талант (поэтический, человеческий) всегда был заметен...

– Юрий Вэлла – поэт, оленевод, общественный деятель, собиратель фольклора, создатель экомuzeя «Стойбище на Туйтяхе». Глава большой семьи. Хозяин (хотя и без документов) родового угодья, организатор стойбищной школы, издатель газеты на ненецком языке. Друг, партнер, учитель, информант для многих российских и зарубежных антропологов.

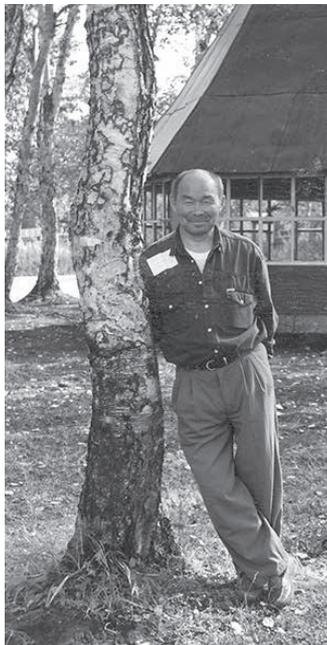
В течение последних десяти лет он издавал свои произведения, помещая в одну книгу текст сразу на нескольких языках. Сначала мне казалось странным – зачем это, ведь читатели обычно знают и используют один

язык? Особенно значимым проектом многоязычности стало издание «Азбуки оленевода» на семи языках: русском, английском, французском, коми, хантыйском, мансийском и ненецком. В этой маленькой книжке собрана вся мудрость оленевода, понимание им того, что он в жизни идет за оленем, что именно олень определяет центр его бытия. В его книге «Нити родства» приводится рассказ бабушки Ненги о том, откуда появились люди. Она говорит, что все они родственники, и поэтому, если внимательно слушать, можно понять любой язык. Он не учит своих читателей, он приглашает их к диалогу.

Диалог – важнейшая часть жизни людей на Земле, у аборигенов это проявляется, может быть, в большей степени, потому что они более чувствительны к необходимости сосуществования. Живут в экстремальных природных условиях, среди преобладающего и по языку, и по властным полномочиям другого населения, зависят от ресурсов.

– Что как не попытка диалога противостояние Юрия Вэллы нефтяникам?

– Юрий Вэлла со своим стойбищем стоял на пути непродуманного промышленного освоения. Сам он так говорил о своей роли на Зем-

ле: «Да, если бы моего стойбища не было, естественно, для нефтяников в том месте не было бы совершенно никакого тормоза. Конечно, нефтяники – крутые ребята, что для них какой-то Айваседа с семьей, если они очень захотят, меня там не будет. Тем не менее мое присутствие все же сегодня еще сохраняет тот кусочек Земли, тот кусочек леса, который вырабатывает кислород, который дает небольшую отдачу для нашей планеты. Но еще не менее важно, что здесь сохраняется духовность, потому что я – часть духовной ценности моих родственников. Когда моя семья тут живет и люди планеты знают, что есть такое стойбище и можно приехать посмотреть, пообщаться, почувствовать, духовно обогатиться или хотя бы полюбопытствовать, это тоже ценность нашей планеты. И пока я там, это сохраняется».

Юрий Вэлла был широко известен как боец с пагубным промышленным освоением Севера. Сегодня политика некоторых компаний изменилась, например, в «ЛУКОЙЛе» появились полезные документы, определяющие правила поведения нефтяников в местах проживания аборигенов. С этой компанией Юра воевал до последних дней. Пытался остановить нефтяников на границах своих родовых угодий надписью «Здесь живут олени с оленятами» и топором, порубив колеса машин «пришельцев».

– В начале 1990-х годов по всему Северу развернулось движение создания народных музеев. И Юрий Кылевич был в этом деле первопроходцем.

– Вообще музей – чуждое для аборигенов учреждение, музейфикация, скорее, явление колониальной и постколониальной идеологии. Тем не менее аборигены стали создавать свои маленькие школьные и поселковые музеи не только, чтобы сохранить свою культуру, но и показать миру, что собой представляет их этнос. За создание экомuzeя Юрий Вэлла получил премию фонда Сороса «За подвижничество». На церемонии вручения члены жюри рассказали об опасении, что оленевод из Ханты-Мансийского округа – это что-то несуществующее.

Музей показывал жизнь людей Севера – здесь стояли настоящие дома, амбары, святилище. Люди могли приходиться сюда и брать вещи, которые им понадобились, а потом возвращали. Первый дом, который привезли в музей, принадлежал ханты А. Казымкину, в том месте, где он стоял раньше, появились нефтяники. Потом стали перевозить и другие постройки. Так сложился музей. Юрий, когда проводил экскурсии, будто принимал гостей на своем стойбище, да так рассказывал, чтобы людям захотелось здесь задержаться, а может, и пожить. Юрий Вэлла так определял задачу своего музея и его отличие от других:

«Обычный музей просто хранит вещи. Они лежат под стеклом, люди приходят и смотрят на них. Такой музей позволяет показать нашу культуру для других – горожан или чужеземцев. Нам нужен был совсем другой музей. Мы строили его для себя, своих детей, внуков, чтобы они понимали душу каждой вещи, знали, как с ней обращаться, уметь сделать ее сами, если надо».

Юрий Вэлла и из своего стойбища сделал музей. Только посетителей там сравнительно немного – это журналисты, ученые, студенты, которые приезжают на летнюю практику, и школьники из интерната. Бывали там и представители администрации, и нефтяники. А что особенно важно, это стойбище сегодня представляет традиционную культуру ханты и ненцев.

– На конференции в Тарту возникла идея создать музей Юрия Вэллы?

– Юрий сам создавал музей, а этот будет о нем. На конференции были показаны фильмы режиссеров Германии, Эстонии, посвященные нашему знаменитому земляку. Режиссер из Югры Ольга Корниенко привезла фильм «Последний монолог». Эта съемка была сделана незадолго до смерти поэта. Запомнились слова Вэллы, которые звучат сегодня особенно пронзительно. Юра вспоминает, как умирал близкий ему человек старик Аули. Он все повторял: «Зачем жить, если после смерти человека не останется на Земле ни одного чума?» Вэлла думал, что он старика поддерживает, а потом понял: Аули этими словами поддержал его, Юрия Вэллу.

На конференции мы узнали от Ольги Корниенко, что полтора года назад на похороны Юры семья и друзья выразили желание создать музей Юрия Вэллы. Участники конференции написали губернатору Югры Наталье Комаровой письмо с просьбой поддержать эту инициативу. Мы готовы пополнять материально, участвовать в их научной обработке... В этом же письме мы просим губернатора помочь урегулировать отношения семьи Юрия Вэллы с нефтяной компанией «ЛУКОЙЛ». Ведь если не останется после нас ни одного чума, зачем тогда жить на Земле?

Народ сердца Земли

Наталья АНАДЬЕВА

В выставочном зале этнографического музея «Торум Маа» открылась экспозиция из цикла «История семьи в истории страны – след прожитой жизни».

Выставка посвящена родословному древу, объединяющему четыре фамилии. Составитель родословной Светлана Динисламова – поэтесса, писательница и общественный деятель. Сохраняя и одновременно изучая историю своей семьи, она начала составление родословного древа, эта работа продолжается до сих пор. Кроме того, Светлана Селиверстова активно участвует в проектах, направленных на сохранение и развитие национальной культуры.

– Писать древо – одно удовольствие, – призналась Светлана Селиверстова. – У меня были четыре странички, которые в 1995 году я записала со слов матери. Она знала всех своих предков, моим делом было на основе этих записей продолжить историю рода. Когда я сейчас приезжаю в какой-нибудь из поселков Березовского района и вижу манси, сразу думаю: «А он ведь, наверное, мой родственник», поскольку в родословное древо входят уже более тысячи человек.